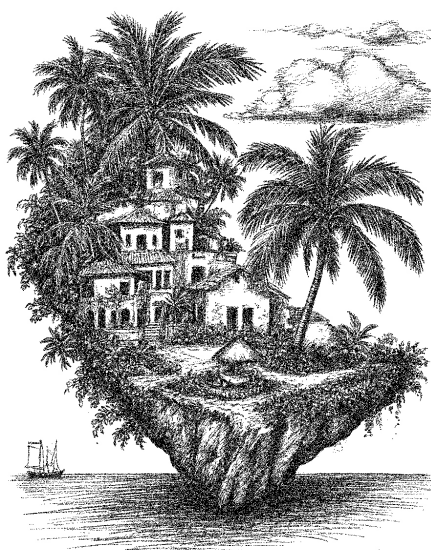


Уильям Сибрук

ОСТРОВ МАГИИ



исследование обрядов и верований
афрокарибского культа



Издательство "Велигор"
Москва 2026

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

С34

+18

Уильям Сибрук

С34 ОСТРОВ МАГИИ. Исследование обрядов и верований афрокарибского культа. – М.: Издательство «Велигор», 2026. – 372 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-612-9

Погрузитесь в загадочный мир Гаити вместе с Уильямом Сибруком! «Остров магии» раскрывает тайны ритуалов вуду, концепцию зомби и сверхъестественные верования, пронизывающие культуру этой экзотической страны. Отправляйтесь в путешествие в самое сердце колдовства и познакомьтесь с оккультными традициями, которые до сих пор живы на «Острове магии». От автора, известного своими дерзкими исследованиями мистики и древних культов.

Перевод – Алексей Архипов

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях:

<https://vk.com/veligor97>

Интернет-магазин: WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран:

WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

© Уильям Сибрук, 2026

© Издательство «Велигор», 2026



Спасибо за покупку!
Большое спасибо и внимание
направлено на Ozon

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. ТАЙНЫЕ ОБРЯДЫ	9
1. Сакральные огни	9
2. Дорога открывается и закрывается	20
3. Ритуал Петро	35
4. Уанга	52
5. Козье бляенье и девичьи вопли	61
6. Воплотившийся Бог	78
II. ТЕМНАЯ МАГИЯ	87
1. Алтарь из черепов	87
2. Нежить на плантациях	99
3. Белокожая невеста Тусселя	110
4. Селестина с серебряным блюдом	122
III. ТРАГИКОМЕДИЯ	133
1. Как на минном поле	133
2. Нимфа в бронзе	141
3. Правда всегда прекрасна	150
4. «Дамы и господа, встречайте президента!»	159
5. Истина зачастую сложна и неоднозначна	174
IV. ИЗВИЛИСТЫЕ ТРОПЫ	180
1. Белый король Гонава	180
2. Двор черной королевы	193
3. Обрывки старых газет	203
4. Портрет «большого негра»	212
5. Полинис и «его белый»	218
6. Пляска Конго	230
7. «Ни один белый не стал бы так глупить»	238
8. Портрет ученого	250
9. Приключение на Пике Ла-Сель	261
10. Душа Гаити	285
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АВТОРА	299



Здесь кроются глубокие истины,
которые нельзя просто отбросить,
прикрываясь обвинениями
в богохульстве.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш вест-индский почтовый пароход бросил якорь в изумрудной тропической бухте.

У берега с шелестящими пальмами величественно возвышался горный массив, окутанный тайной и пробуждающий воображение. Его склоны густо покрывали джунгли, а в вышине вздымались сине-черные хребты, лишённые всякой растительности.

У самой воды, в золотистых лучах заходящего солнца, раскинулся город Кап-Аитьен¹. Наш пароход стоял настолько близко к берегу, что очертания берега можно было легко разглядеть даже при свете вечерней зари.

Здесь, среди современных зданий, проступали руины особняков французских колонистов. В XVI веке они привозили рабов из Африки, превратив Гаити в богатейшую колонию Западного полушария. Вдоль бухты тянулась вымощенная набережная – место страшной резни, учинённой восставшими чернокожими рабами, когда они, вооружившись мачете и пылающими факелами, обрушились на белых поселенцев. Неподалеку в развалинах лежал дворец, возведённый для Полины Бонапарт². Его построили, когда Наполеон направил своего зятя с имперской армией подавлять восстание рабов, отвоевавших свою свободу. А на вершине, за мысом, грозно возвышалась крепость, сооружённая по приказу самопровозглашённого чёрного короля Кристофа³.

¹ Кап-Аитьен – четвёртый по величине город Гаити, административный центр Северного департамента.

² Полина Бонапарт (1780–1825) – средняя из трех и самая любимая сестра французского императора Наполеона.

³ Анри Кристоф (1767–1820) – бывший раб, ставший одним из лидеров Гаитянской революции. После обретения страной независимости он провозгласил себя королем Анри I (правил в 1811–1820 гг.); прославился жесткостью и стремлением превратить Гаити в мощное монархическое государство по европейскому образцу, но в итоге столкнулся с восстанием и покончил с собой (по легенде, застрелившись серебряной пулей).

Это случилось уже после того, как армия Наполеона схлынула – немало белых солдат пало на поле брани, оставшиеся вернулись по морю во Францию.

Над правительственной резиденцией реял красно-синий флаг – символ свободы чернокожих (тот же французский триколор, только без белой полосы), и он уже более века развевается над этими землями.

Все это слагалось в захватывающую панораму, пока наш пароход стоял на якоре в лучах закатного солнца, но с наступлением ночи пейзаж растворился во тьме.

Остались лишь горы, укутанные джунглями, темные и загадочные. И с их склонов, далеко над водой, разносился мерный грохот барабанов местных колдунов.

*Нью-Йорк
Сентябрь 1928 года*

I. ТАЙНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Сакральные огни

Луи, сын Катерины Озиас из Орбланша (его отец остался неизвестным, поэтому он не получил фамилии), был внесен в гражданский реестр Гаити. Его образ невольно воскрешал в моей памяти строки из «Адских пословиц» Блейка¹: «Тот, чье лицо не излучает свет, звездой не станет никогда».

И дело было не только в том, что черное лицо Луи, часто влажное от пота, блестело, словно отполированное дерево – оно излучало мистический свет, источником которого не всегда был горний мир.

Ибо Луи принадлежал к причудливому братству святых, чудовищ, стихотворцев и блаженных безумцев. Он то прозябал в пьяном забытии в каком-нибудь углу, то вступал в долгие беседы с ангелами и злыми духами – даже со своей покойной бабушкой, слывшей колдуньей. При этом Луи, оставаясь нашим преданным слугой, в дни воздержанности служил нам с пылкой, безграничной самоотверженностью.

Мы не выбирали Луи на роль слуги – скорее, он сам нас выбрал. То же самое можно сказать и о доме, в котором мы в итоге поселились. Оба эти события произошли, когда мы еще жили в отеле «Montagne», и показались мне почти сверхъестественными. Впрочем, слухи, циркулировавшие среди прислуги в Порт-о-Пренсе², могли предложить вполне рациональное их объяснение. Мы с Кэти³ долго и упорно искали жилье. Нам

¹ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт, художник и гравер, одна из ключевых фигур в поэзии и изобразительном искусстве английского романтизма.

² Порт-о-Пренс – столица и главный внешнеторговый порт Гаити. Расположен на берегу залива Гонав.

³ Кэтрин Эдмондс – первая жена Уильяма Сибрука. Считается, что именно благодаря ее финансовой поддержке и терпению Сибрук смог осуществить многие свои экспедиции.

предлагали либо непригодные для жизни пышные гипсовые дворцы с великолепными садами, либо вполне пригодные для жизни деревянные виллы, но без садов, а иной раз и вовсе без всякой зелени. Эти осмотры все больше повергали нас в уныние.

Однажды, покинув территорию отеля и спускаясь по холму, с намерением навестить Эйч-Пи¹ (моего белого друга), мы встретили чернокожего парнишку. Он был бос и одет так бедно, что мы поначалу приняли его за попрошайку. Но мальчик обратился к нам по-креольски с такой уверенностью и теплотой, словно знал нас много лет: «Я нашел ваш дом» (не «для вас», а именно «ваш»).

Возможно, наш поступок покажется вам неразумным, но мы вернулись в отель, сели в машину и поехали, пригласив Луи в салон (он собирался ехать на подножке) и попросив его указывать нам путь. Луи направил нас в сторону фешенебельной улицы Тюрго, где располагался «Американский клуб». Однако до престижного района мы не доехали: мальчик велел свернуть в неприметный переулок налево и поехать вверх по дороге, ведущей в долину к Петьонвиллю². Там, на границе города и джунглей, раскинулся несколько обветшалый, но по-прежнему красивый сад площадью в несколько акров. В его центре стоял приземистый одноэтажный дом, явно возводившийся абы как, без особого плана, некогда (ибо он выцвел) розового цвета, с просторными верандами вровень с землей.³

Одни двери были либо заперты на замок, другие же и вовсе заколочены досками. За главным зданием виднелись каменные

¹ Гарольд Палмер Дэвис (1878–1962) – американский горный инженер и писатель, который прожил на Гаити много лет; считался одним из лучших западных экспертов по Гаити того времени. Автор называет его инициалами – «НР» (Эйч-Пи), от Harold Palmer Davis.

² Петьонвиль – четвертый по величине город Гаити, расположен к юго-востоку от Порт-о-Пренса.

³ На Гаити того времени (и в колониальной архитектуре вообще) дома, как правило, строились на высоких фундаментах, для защиты от влаги и улучшения вентиляции. Но этот дом был одноэтажным, а его большие веранды выходили прямо в сад.



Лицо Луи излучало мистический свет,
источником которого не всегда
был горный мир.

флигели для слуг и кухня, также запертые. Бассейн был завален лиственной и мусором.

Кому принадлежал этот увядающий призрак рая? Можно ли его арендовать и, главное, за какую цену? Эти вопросы оставались за пределами «гения» Луи. До встречи с нами он и не подумал искать на них ответы. Вот и сейчас он хранил молчание, ничего не предлагая и не советуя.

Поблагодарив Луи, мы высадили его у Сакре-Кер, попросив зайти к нам в отель на следующее утро. Сами же отправились к Эйч-Пи. После долгих телефонных переговоров выяснилось, что владельцем дома является мэтр Морель, а аренда обойдется в тридцать долларов в месяц. Туссен, чернокожий переводчик, всегда готовый прийти на помощь, должен был привезти ключи в среду днем, когда мэтр Морель вернется из Сен-Марка¹. Луи не появился ни на следующее утро, ни через день. Но когда спустя три дня мы с Туссеном приехали открывать дом, Луи радостно приветствовал нас: он уже обжился в углу кирпичной веранды. За это время он успел перенести туда все свои скромные пожитки: матрас, старое одеяло, чугунок, огарок свечи и деревянный ящичек, несомненно, содержавший его самое ценное имущество. В чугунке виднелись остатки вареных плантанов² – очевидно, он только ими и питался.

Разговор о найме с его стороны (как и с нашей) ни разу не заходил, хотя до переезда оставались считанные дни. Тем не менее, я без колебаний передал ему ключи от дома и вдобавок вручил некоторую сумму в местной валюте, эквивалентную примерно двум долларам – значительные деньги по тем временам. Я наказал ему купить все необходимое, в первую очередь свежую рубашку и продукты. Он казался истощенным, но эта неожиданная щедрость позволяла ему пировать целую неделю, ведь курица на Гаити стоила всего двадцать центов.

¹ Сен-Марк – город на западе Гаити, на территории департамента Артибонит.

² Плантаны (платано) – крупные овощные бананы, которые перед употреблением в пищу, как правило, требуют термической обработки.

Когда я вернулся, несколько дней спустя, передо мной предстала такая картина: Луи, облаченный в новенькие теннисные туфли и слишком яркий, безвкусный шарф, небрежно повязанный на шее, лежал на траве в тени мангового дерева, в состоянии блаженного опьянения. Он весело напевал песенку и, казалось, красовался перед птицами в своих обновках. Рубаха на нем была прежняя, и сквозь прореху в ней бесстыже выглядывало плечо. Заглянув в котелок, я обнаружил лишь остатки вареных плантанов – похоже, с тех пор ничего нового там не появлялось. Кажется, я уже упоминал, что Луи был человеком почти святым. Как бы то ни было, подозреваю, что постичь его личность будет непросто, если вы не знакомы с жизнеописаниями малоизвестных святых и не жили в тропической стране вроде Гаити.

После обустройства нашего дома и переезда мы наняли дополнительный персонал: немного занудного, но знающего свое дело камердинера, поварику средних лет и юную горничную с ослепительной улыбкой и мечтательным взглядом, которая мгновенно увлеклась Луи. Она подкармливала его и оказывала ему знаки внимания более интимного характера, когда он был расположен к подобным утехам. Четыре слуги в Порт-о-Пренсе не считались излишеством, даже для нас, привыкших обходиться без прислуги в Нью-Йорке. Это было местной нормой. На содержание всего штата уходил тридцать один доллар в месяц, при этом слуги обеспечивали себя едой сами.

Эти трое отличались исполнительностью, четко выполняя указания, но Луи, хотя и игнорировал приказы, своей расторопностью и обаянием заслуживал звание самого ценного помощника. Он охотно брался за множество дел, которые ему никто не поручал. Возьмем, к примеру, наш старенький автомобиль. Он не смыслил в технике и не умел менять шины, и все же с особой гордостью поддерживал его в безупречной чистоте. Он относился к нему, как к живому существу. Даже возвращаясь домой запачканным с головы до ног, он немедленно принимался за работу. Садоводство не входило в его обязанности,

но он поразил нас уже в первую неделю, когда принес виноградные лозы и цветы с корнями в комьях земли, собираясь их посадить. Одному Богу известно, где он их раздобыл. В дальнейшем он также заботился о них с любовью, словно о живых существах, а не просто растениях.

Стараясь нам угодить, он предугадывал наши желания и делал все, чтобы нам понравиться. Бывало, необходимость в помощи заставляла его в состоянии блаженного опьянения – он казался то ли курильщиком опиума, то ли пленником несбыточных грез. Но именно тогда, когда этого меньше всего ждали, он появлялся с огромным букетом роз для Кэти или диковинной корзиной фруктов, каких не найти в обычных лавках, для меня. Вне зависимости от того, выпивал Луи в тот день или нет, его внезапно могла охватить глубокая печаль. Но чаще всего он излучал радость. Постепенно Луи перенес свое внимание и заботу на меня. Я упоминаю об этом, поскольку большинство людей – от прислуги до родных и друзей – считали Кэти более достойной внимания, чем меня. Но Луи отдавал предпочтение мне. Постепенно он начал открывать мне свои секреты, доверяя самое сокровенное. Со временем он понял, что я его понимаю и принимаю таким, какой он есть.

Вы, конечно, спросите: «Какое отношение все это имеет к мрачным тайнам афрокарибского культа¹?» Думаю, вы уже сами догадываетесь. Именно неприметный Луи, и никто другой, направил меня по пути, который в итоге пролег через реки, пустоши и чащи, через расщелины и глубокие ущелья, от которых захватывало дух, через горные массивы за облака, к самому сердцу религии Лоа. И это не просто красивые слова. Гаити – это буйство тропической природы, вздымающейся и обрушивающейся на землю, словно рай и ад одновременно. Здесь можно найти и благодатные равнины изумрудных зарослей

¹ В англ. тексте – «Voodoo». Здесь и далее в переводе использованы русские термины, более приемлемые в контексте нашей культуры (афрокарибский культ, религия Лоа и прочие слова-заменители), а иногда латинская транскрипция этого слова.

сахарного тростника, и коралловые побережья, обрамленные пальмами, и густые джунгли с хаотично переплетенными лианами, и знойные пустыни, где к небу тянутся уродливые кактусы, заметно превышающие рост самого высокого человека, а юркие ящерицы снуют в их тени; здесь есть и темные каньоны, обрывающиеся с головокружительной высоты в тысячу двести метров, и неприступные горы, достигающие двух с половиной тысяч метров. Но тропа, которая пролегла среди всего этого и завершилась в ту ночь, когда я пал на колени с окровавленным лбом перед гигантскими барабанами Рада¹, – эта тропа началась у двери моего дома и вела всего лишь через сад к скромному жилищу моего слуги Луи, где мерцал тусклый свет.

В кокосовой чаше, наполненной маслом, тихо покачивался фитилек. Над ним плясал крошечный огонек – яркий, но едва ли больше свечного пламени. Перед чашей на неровной горке камней, напоминавшей детскую постройку, стоял туго набитый мешочек из алого полотна. Он был похож на миниатюрный сосуд для воды, заботливо перевязанный лентой и украшенный темными перьями. Вскоре после полуночи неслышно появился Луи. Он заметил, что я засиделся за чтением, в то время как Кэти отправилась танцевать в клуб, откуда доносились приглушенные звуки музыки.

Луи рассказал, что в тело девушки, живущей в лачуге у оврага за нашим домом, вселился дух – некое божество или таинственная сущность. И повсюду вокруг (в соломенных хижинах у оврага и даже в комнатах для прислуги в гипсовых особняках американских офицеров) мерцали сотни подобных сакральных огоньков.

Постепенно я узнавал от Луи все больше нового для себя. Оказалось, что мы, белые люди в этом городе XX века с его

¹ Рада – одна из двух главных ветвей (пантеонов) божеств voodoo. Духи (лоа) семейства Рада считаются «старыми», мудрыми, милосердными и относительно миролюбивыми божествами. Они ассоциируются со стихией воды и белым цветом. Им противопоставляется пантеон Петро – более агрессивных и «горячих» духов. В ритуалах voodoo музыка играет ключевую роль; считается, что ритмы барабанов будят духов.

электрическим освещением и автомобилями, бриджем и вечеринками, были окружены иным, невидимым миром, полным чудес и волшебства. Миром, где мертвые покидали свои могилы и бродили среди живых. Миром, где человек мог умереть в паре шагов от порога моего дома не от болезни, а потому, что старуха в Леогане¹ медленно распутывала нить, обернутую вокруг деревянной куклы, созданной по его подобию. Миром, где деревья и животные говорили с теми, кто умел слушать; где боги возвещали свою волю из горящих кустов, прямо как на Синае, а порой даже являлись во плоти, словно в Эдемском саду.

Благодаря Луи я постепенно осознал, что религия Лоа на Гаити – это не просто суеверие, а глубокая, живая религия. Она напоминала раннее христианство – эпоху, когда чудеса и мистические откровения воспринимались как нечто обыденное. Афрокарибский культ – прежде всего форма поклонения. Магия, колдовство и ведовство – лишь вторичные проявления этой веры, порой искаженные и зловещие. Подобное случалось и в средневековой католической Европе.

Луи помог мне увидеть парадокс: пока высокие гости (Верховный комиссар с супругой, полковник и прочие) наслаждались чаем в нашей гостиной, высшие силы религии Лоа незаметно проникали в дом через черный ход. Они находили пристанище в жилище наших слуг.

В этом нет ничего удивительного, ибо такова природа небожителей. Они неизменно равнодушны к общественным регалиям, пышным титулам, дворцам и роскоши. Земная спесь и великолепие не имеют для них никакого значения. Мы возводим грандиозные святилища и соборы, надеясь привлечь их внимание блеском полихромной отделки и мрамора. Но когда боги приходят по собственной воле – посылают вестников или являют огненные знаки с небес, – они редко ищут блистательные храмы и могущественных владык. Их влекут иные места

¹ Леоган – город в западной части Гаити.

и люди: семья, уставшая в дороге и нашедшая приют в придорожном стойле; неграмотная крестьянка, отдыхающая в саду; пастух, присматривающий за овцами; сапожник в уединенной хижине в Альпах.

Возможно, в своих небесных обителях боги пресыщаются почестями – оттого и спускаются на землю. Возможно, их влечет простота и естественность нашего бытия. В этом и таится опасность: стоит воздвигнуть величественный храм на месте скромной лачуги – и капризные боги могут покинуть его без предупреждения. Может быть, именно поэтому я, смертный, не раз стоявший в величественных позолоченных соборах, мечетях и храмах мира, никогда не ощущал столь явственного присутствия высшей тайны, как под соломенными крышами в горах Гаити. Это чувство не затмили ни нарочитая простота, ни дикость обрядов, ни гротескные элементы, ни суеверные нелепицы, ни даже очевидно шарлатанские приемы некоторых колдунов. Все это необходимо упомянуть, чтобы мой рассказ был правдивым.

Мы с Луи часто бродили по холмам, укрываясь в тени деревьев, и там он посвящал меня в тайны религии Лоа, рассказывая о божествах и их атрибутах:

Папа Легба – привратник, самый благосклонный; Дамбала-Ведо – мудрейший и могущественнейший, подобный змее; Локо – владыка лесов; Агве – повелитель морей; Госпожа Эзиле – кроткая, словно Дева Мария; Огун Бадагрис – грозный и кровавый, чей голос гремел, как гром.... Казалось, им несть числа. Все это напоминало знакомство с греческой мифологией – но для Луи эти существа были не просто персонажами древних сказаний. Они были реальнее нас с ним. Не стану сейчас перечислять все имена, многие из них прозвучат ниже в этой книге.

Однажды он сам заговорил об обрядах, посвященных этим богам. И я вдруг осознал, что передо мной – очевидец событий, скрытых от внешнего мира. Его рассказы разительно отличались и от книжных описаний религии Лоа, и от редких свидетельств тех, кто лишь притязал на знакомство с этой традицией.

На своем колоритном креольском Луи описывал торжественные процессии в белых одеяниях, людей, собравшихся в группы и попеременно поющих гимны, священного черного быка, украшенного вышивкой, с зажженными свечами на рогах, которого вели к алтарю для жертвоприношения...

«Ах, мсье! – воскликнул он с восторгом. – Это было прекрасно, прекрасно, прекрасно!»

Он вновь созерцал увиденное перед собой, и я понимал это по его глазам. Казалось, он изо всех сил пытается передать мне свое видение. Но, погрузившись в воспоминания, он лишь без конца повторял, как завороченный: «Красота! Красота! Красота!...»

Слово «красота» редко срывалось с уст Луи. Вероятно, потому, что в его глазах весь окружающий мир уже был красивым – подобно тому, как Франциску Ассизскому все казалось исполненным святости. Чтобы удостоиться от Луи этого эпитета, что-то должно было по-настоящему поразить его. До этого момента, на моей памяти, лишь два явления заслужили у него столь высокую оценку: Клэр и павлин.

Павлина нам подарил майор Дэвис. Птица бегала за Луи, словно ее тянуло к нему магнитом, считая его не столько хозяином, сколько приятелем. Впервые увидев распушенный хвост павлина, Луи воскликнул: «Красота!» и с тех пор называл его только так.

Когда Клэр приехала к нам из Нью-Йорка, Луи с той же непосредственной радостью произнес это же слово и в ее адрес («Oh, la belle dame!»). Надеюсь, Клэр простит мне предположение о некоторой преувеличенности такого комплимента.

Безусловно, она обладала своей, особой красотой – не кричащей, не бросающейся в глаза. Лео Кац¹ с его одержимостью мистической портретной живописью, мог бы изобразить ее

¹ Лео Кац (1887–1982) – американский художник австрийского происхождения, друг автора.

святой, сивиллой или даже inferнальной искусительницей. Но светские круги Порт-о-Пренса находили ее скорее оригинальной, чем красивой. Луи обычно быстро запоминал имена, а имя Клэр вовсе не было трудным. И тем не менее за все время ее пребывания в тех краях он не нашел для нее иного имени, кроме этого единственного – Belle dame.

Поистине, то был край Красавиц и Чудовищ.

Внутреннее сияние, порой озарявшее лицо Луи, исходило и от Клэр. Этот свет струился не из мира сего – ни земного, ни морского. Как и Луи, она принадлежала к какому-то иному племени, будучи младшей сестрой и небожителям, и злым духам. Возможно, именно поэтому Луи разглядел в ней свою, особую красоту.

И тут из глубин моей памяти всплыло еще одно видение неземной красоты, и я, не сдержавшись, выпалил: «Луи, я уверен, что приехал на Гаити именно ради этого – и ни для чего больше. Отдал бы все, чтобы увидеть это чудо. Готов рискнуть жизнью, понимаешь?»

«Ах, мсье, – с грустью отозвался Луи, – если бы только вы были черным!»

Спустя несколько дней Луи неожиданно сказал: «Я уже больше месяца не навещал мать в Орбланше. Дорога туда занимает целый день – и столько же обратно».

«Ну так что с того, Луи? – удивился я. – С каких пор ты спрашиваешь позволения, чтобы уйти и вернуться?»

«Дело не в этом, – пояснил он. – Я подумал, что вы захотите составить мне компанию».

2. Дорога открывается и закрывается

Луи был польщен тем, что я дал согласие составить ему компанию; я, в свою очередь, был рад его приглашению. В отменном расположении духа мы неспешно продвигались по узкой тропинке. Я ехал на маленьком оседланном пони, любезно одолженном мне одним местным доброхотом, а Луи возвышался надо мной на муле без седла, добытом им «неисповедимыми путями». Ехали мы друг за другом, горланя французскую песню, не всегда попадая в такт, с приблизительным следующим содержанием:

Эй, девчонка!
Коль стирка и глажка
Тебе не по нутру –
Топай к своей мамочке.

Припев (сколько душе угодно):

Девчонка, девчонка,
Бегом к своей мамуле!

И еще один куплет, где девица парирует примерно так:

Эй, паренек!
Коль в кармане твоём пусто,
Тебе самому лучше
Убраться к своей мамочке.

Порой, охваченные творческим азартом, мы с Луи сочиняли новые куплеты – то скабрзные, то полные мистики, – пока узкая тропа не вывела нас на широкую дорогу. Затем мы поскакали в Петионвиль и остановились на рынке возле церкви, где сидели старушки с корзинами и осликами. Там разгорались